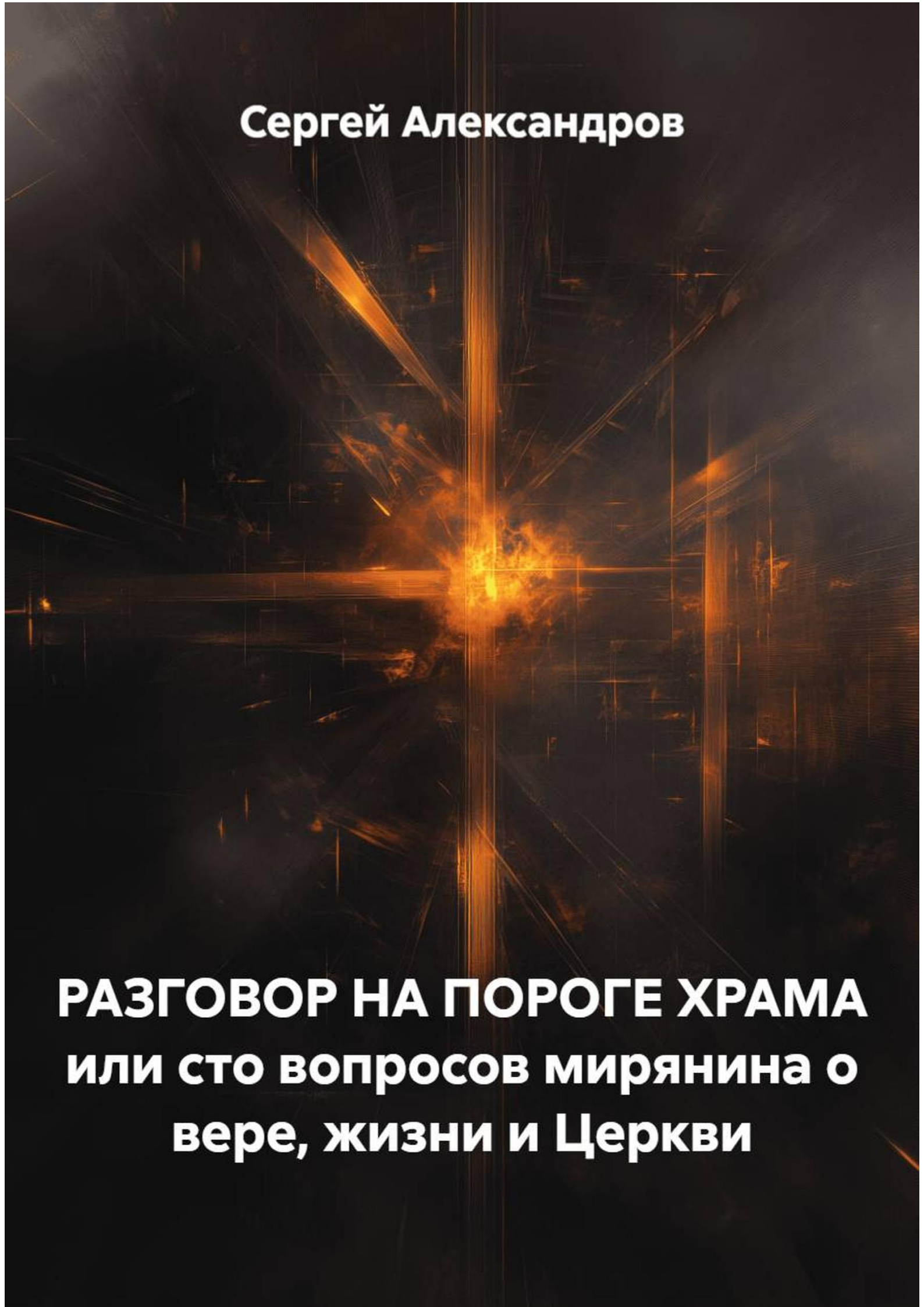

The background is a dark, textured surface with a glowing, cross-like shape in the center. The cross is formed by bright orange and yellow light, with numerous thin, dark lines radiating outwards from the center, creating a starburst or explosion effect. The overall color palette is dominated by dark browns and blacks, with the bright orange and yellow of the central light providing a strong contrast.

Сергей Александров

**РАЗГОВОР НА ПОРОГЕ ХРАМА
или сто вопросов мирянина о
вере, жизни и Церкви**

Сергей Александров

**РАЗГОВОР НА ПОРОГЕ
ХРАМА или сто вопросов
мирянина о вере, жизни и Церкви**

«Автор»

2026

Александров С.

РАЗГОВОР НА ПОРОГЕ ХРАМА или сто вопросов мирянина о вере, жизни и Церкви / С. Александров — «Автор», 2026

Иногда самые важные вопросы остаются за порогом храма. Не потому, что на них нет ответа, а потому, что спросить о них бывает неловко. И тогда человек остаётся с ними один. Эта книга — разговор с теми, кто стоит на пороге. Сто вопросов о вере, жизни и Церкви. О Боге, молитве, любви, страдании, отношениях, истории православной Веры. Без крика и без назидания. Если это поможет кому-то не остаться одному со своими вопросами, значит, разговор был не напрасным.

© Александров С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Александров

РАЗГОВОР НА ПОРОГЕ ХРАМА или сто вопросов мирянина о вере, жизни и Церкви

РАЗГОВОР НА ПОРОГЕ ХРАМА или сто вопросов мирянина о вере, жизни и Церкви

Сергей Александров

О книге

Эта книга — не учебник догматики и не официальный документ Церкви. Это попытка мирянина ответить на вопросы, которые он слышал от реальных людей и на которые не всегда находил ответ в приходской беседе. Автор не является священником, не имеет богословского образования и не выступает от имени Церкви. Всё, что здесь написано, — это личный опыт, личное чтение и личное размышление, а не «учение Церкви» и не «мнение священноначалия».

Там, где автор цитирует святых отцов, церковные документы или современных священников, он старается передавать их мысль точно. Но цитата в популярной книге — это не то же самое, что цитата в академическом исследовании. Если вы встретите в тексте ссылку на источник, это не значит, что автор проверил каждое слово по критическому изданию. Это значит, что он нашёл эту мысль у людей, которым доверяет, и передал её так, как понял.

Эта книга не заменяет собой разговор со священником, исповедь, Причастие и чтение Писания. Она не заменяет и обращения к врачу или психологу там, где речь идёт о здоровье — телесном или душевном. Если вы читаете её и чувствуете, что какой-то вопрос касается вас лично и требует не «общего ответа», а конкретного решения, — не принимайте это решение только на основании книги. Поговорите с человеком, которому доверяете. С священником. С врачом. С близким.

Автор не претендует на «истину в последней инстанции». Он может ошибаться в фактах, в формулировках, в оценках. Он может быть не согласен с теми, кого цитирует, и не соглашаться с самим собой на разных страницах. Это не «слабость» книги, а её жанр: это не сборник готовых ответов, а приглашение к разговору.

Если вы встретите в тексте что-то, что противоречит тому, что вы слышали в храме, — не спешите делать вывод, что «книга врёт» или «священник врёт». Скорее всего, речь идёт о разнице акцентов, о разных мнениях внутри Церкви или о том, что кто-то из нас — автор или священник — в чём-то ошибается. Проверяйте. Спрашивайте. Читайте первоисточники. И не превращайте ни одну книгу, включая эту, в «последнюю инстанцию».

И последнее. Эта книга написана не для того, чтобы «удержать» кого-то в Церкви любой ценой и не для того, чтобы «разоблачить» её. Она написана для того, чтобы те, кто ищет, не оставались один на один с вопросами, на которые им некому ответить. Если она хоть чем-то поможет — хорошо. Если нет — закройте её и идите дальше.

И ещё одно, что я хочу сказать, прежде чем вы перевернёте страницу. Эта книга не появилась бы, если бы мне не отвечали. За годы я задал сотни вопросов — священникам в храме, в интернете, на исповеди, в случайных разговорах. Некоторые из них отвечали коротко. Некоторые — раздражённо. Некоторые — так, что я уходил и думал: «Лучше бы я не спрашивал». Но были и те, кто отвечал долго, серьёзно, с уважением к моему непониманию. Они не «разрешали» мои сомнения одной фразой. Они шли со мной по этому пути — иногда годами. Я не буду называть их имён: не потому, что не хочу, а потому, что не хочу ставить их в неловкое

положение. Но если кто-то из них прочитает эту книгу и узнает свои слова, пересказанные моими, — пусть знает: я помню. И если в книге есть что-то хорошее, то это во многом их заслуга. А если есть что-то неверное — это только моя вина. Они говорили то, что говорили. Я услышал так, как услышал. И передал так, как смог.

Предисловие

Всё началось с разговора.

Однажды я пришёл к одному священнику. Просто поговорить. У меня накопилось много вопросов, и я не знал, куда с ними идти. Про запреты, которых в Церкви, как мне казалось, слишком много, а радости — слишком мало. Про то, что я не чувствую Бога, хотя молюсь. Про историю — про крестовые походы, про инквизицию, про то, что в учебниках одно, а в проповедях другое. Я не спорить пришёл. Я хотел понять.

Он выслушал, не перебивая. Не говорил «это от гордости» и не отправлял читать «Закон Божий». Некоторые вопросы мы тогда очень предметно обсудили. А потом сказал: «Ты же писатель. Напиши об этом книгу».

Я не понял. Думал, он скажет что-то про молитву. Или скажет причаститься и исповедаться. А он сказал — напиши. И добавил, что я не первый такой и не последний, и что книгу, которая отвечает на эти вопросы честно, никто не пишет. Или пишут так, что читать невозможно.

Тогда я ушёл и долго думал. Я не богослов. У меня нет ни сана, ни образования. Я мирянин. Такой же, как те, кто заходит в храм постоять, поставить свечку, иногда исповедаться, иногда просто посидеть в тишине. Мне казалось, что книга о вере — не моё дело. Её должен писать священник. Или кто-то, кто знает Писание наизусть. Или тот, кто не сомневается. А я сомневаюсь. И наизусть не знаю.

Но потом я понял, что он прав. Не потому, что я достоин. А потому, что я — тот, кто спрашивает. И таких, как я, много. И им нужен не ответ сверху, а разговор с человеком, который сам искал и до сих пор ищет. Который может сказать «я не знаю» — и это будет честно.

После того разговора прошло много времени. Я не сел писать сразу. Сначала взялся за историю — историю Руси и историю Церкви. Не по учебникам для школы, а по источникам, по летописям, по документам, по работам историков. Читал труды святых отцов — не только тех, кого цитируют в проповедях, но и тех, кого редко вспоминают. Читал церковную литературу — ту, которую советуют, и ту, которую не советуют, но о которой спорят. И многое обсуждал со священниками — не одним, а с разными. Задавал вопросы, слушал ответы, иногда не соглашался, иногда менял своё мнение. Слушал, что говорят люди — не только священники, но и те, кто ушёл, и те, кто остался. И постепенно понял, что книга, которую я задумал, не может быть сборником ответов. Она должна быть разговором, в котором каждый ответ проверен тем, что уже сказано до меня.

Он тогда сказал ещё одну вещь. Что это — мой маленький вклад в миссионерство. Не великая миссия, не апостольство. Просто вклад. Маленький. Но мой. И я подумал: если уж берусь, то не имею права писать от себя. Всё, что напишу, должно быть с отсылками к церковным источникам. К Писанию. К отцам. К соборным определениям. К тому, что уже сказано и признано Церковью. Иначе это будет не вклад, а личное мнение, которое кто-то прочитает и подумает, что так учит Церковь. А это было бы неправдой.

Я старался. Где-то получилось лучше, где-то хуже. Где-то цитирую прямо, где-то пересказываю, где-то спорю. Но я старался не выдавать своё за учение Церкви и не прятаться за цитатами там, где нужно сказать что-то от себя. Если я ошибся — это моя ошибка. Если что-то неверно передал — моя вина. Но я старался.

Так появилась эта книга. Не труд, не миссия, не ответ Церкви на вызовы времени. Продолжение того разговора. Того самого, после которого священник сказал: «Напиши». Я напи-

сал. Не потому, что я писатель. А потому, что он был прав: кто-то должен был это сделать. И, может быть, именно потому, что я не священник, мне легче говорить о том, о чём священнику говорить неловко.

Я не знаю, что он скажет, когда прочитает. Может быть, не согласится. Может быть, поправит. Может быть, скажет: «Ну, я не совсем это имел в виду». Но если он узнает в этой книге тот самый разговор — значит, я его не подвёл.

Эта книга — о вопросах. О тех, которые обычно не задают в храме. Не потому, что они «глупые» или «неправильные». А потому, что их неудобно задать. Потому что на них часто некому ответить. Потому что тот, кому ты их задаёшь, может посмотреть на тебя так, что ты больше не захочешь спрашивать.

Я собрал здесь самые острые вопросы, которые слышал от молодых людей — от парней и девушек, которые ищут, но не находят. О Боге и страдании. О любви и семье. О таинствах и обрядах. О том, почему Церковь выглядит не так, как хотелось бы. О язычестве и «духовности без религии». О том, что делать, если ты не чувствуешь Бога, а молишься каждый день. И о многом другом, что обычно остаётся за порогом храма.

Эта книга для тех, кто ищет. Не для тех, кто уже «всё знает». Не для тех, кто хочет «защитить Церковь» от критики. И не для тех, кто хочет «разоблачить» её. А для тех, кто стоит на пороге и не знает, войти или нет. Для тех, кто вошёл и не понял, что делать дальше. Для тех, кто ушёл и думает, стоит ли возвращаться. И для тех, кто никогда не был внутри, но чувствует, что там что-то есть.

Почему я решил её написать? Потому что я видел, как люди уходят. Не из-за догматов. Не из-за спора о Троице или о том, сколько дней Бог творил мир. Они уходили после того, как им нахамили у свечного ящика. После того, как человек пришёл помолиться, а его во время молитвы пыталась подвинуть женщина с ведром и шваброй — не потому, что она злая, а потому что у неё «послушание», и она делает его так, как привыкла. После того, как он слышал её же громкие разговоры по телефону прямо в храме, пока пытался сосредоточиться. После того, как видел, как сразу после праздничной службы, не дожидаясь, пока прихожане выйдут, начинают считать деньги — при всех, открыто, как в магазине после смены. После того, как священник на проповеди сказал что-то, от чего стало стыдно. После того, как услышал, сколько стоит отпевание, и понял, что на похороны близкого нужно «собрать сумму». Уходили — в язычество, в «духовность без религии», в астрологию, в медитации, в никуда. Или просто оставались дома, в тишине, без Бога и без Церкви.

И самое обидное — они уходили не потому, что «не хотели верить». Они уходили потому, что хотели верить, но им не дали. Или дали, но так, что расхотелось.

Я не священник. Я не богослов. У меня нет ни сана, ни богословского образования, ни «права учить». Я мирянин. Такой же, как большинство тех, кто заходит в храм — постоять, поставить свечку, иногда исповедаться, иногда просто посидеть в тишине. И я видел это не со стороны. Я видел это изнутри. И я видел, как люди, которые могли бы остаться, уходят. Не потому, что они «плохие». А потому, что им не ответили.

Эта книга — попытка ответить. Не на все вопросы. На те, которые я слышал чаще всего. На те, которые мне самому когда-то не давали покоя. На те, которые обычно остаются за порогом храма, потому что их «неудобно» задавать, или потому что на них «некогда» отвечать, или потому что на них «не принято» говорить.

Отвечая на эти вопросы, я не выдумывал ответы из головы. Я опирался на то, что уже сказано до меня: на изречения святых отцов, на книги и проповеди современных священников, на исторические источники и на результаты собственных исследований. Где-то я цитирую прямо, где-то пересказываю своими словами, где-то спорю. Но я старался не выдавать своё мнение за учение Церкви и не прятаться за цитатами там, где нужно сказать что-то от себя. Если вы встретите в тексте ссылку на святого или на священника, это не значит, что я «при-

крываюсь авторитетом». Это значит, что я нашёл того, кто сказал лучше, чем я, и хочу, чтобы вы это услышали.

Я не обещаю, что вы найдёте здесь «истину в последней инстанции». Я не претендую на то, что мои ответы — единственно верные. Я просто человек, который искал и нашёл что-то, чем захотел поделиться. И если мой опыт кому-то поможет — значит, я не зря потратил время.

Я не буду говорить «приходите в храм». Вы и так знаете, где он. Я не буду говорить «молитесь». Вы и так знаете, что это. Я скажу только одно: не бойтесь вопросов. Не бойтесь сомнений. Не бойтесь того, что вы чего-то не понимаете. Вера — это не «знание всех ответов». Это доверие Тому, кто эти ответы знает. И если вы пока не доверяете — это нормально. Доверие приходит не сразу. Иногда через годы. Иногда через боль. Иногда через тишину.

Дверь открыта. Она всегда была открыта. Просто иногда мы стоим к ней спиной.

Часть I. Бог, страдание и смысл

1. Кто такой Бог — Вселенная, абсолют или старец на облаке? Как вообще о Нём думать, если я никогда Его не видел?

Начнём с того, что образ «старца» в православии действительно есть. Если вы зайдёте в какой-нибудь храм и посмотрите на роспись купола или на старую икону, вы можете увидеть седовласого старца с длинной бородой. И надпись рядом может гласить «Господь Саваоф». И у человека, который впервые это видит, возникает естественный вопрос: так это что, и есть Бог? Тот самый «дедушка на облаке»?

Давайте разбираться. Потому что здесь всё не так просто, и ответ на этот вопрос, как ни странно, помогает понять, кто такой Бог, гораздо лучше, чем любые абстрактные рассуждения.

Начнём с того, что этот образ — не про «внешность Бога». Он взялся из видения пророка Даниила. Даниил описывает, как он видит Престол, и на нём восседает «Ветхий днями» — то есть «Древний днями», Тот, у Кого «одеяние было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая волна» (Дан. 7:9). Это пророческое видение, а не портрет. И Церковь с самого начала понимала его не как изображение Бога Отца, а как образ Христа — Того, кто «древний» и «предвечный», но кто при этом в последние времена стал человеком.

Святитель Андрей Кесарийский, толкуя Апокалипсис, говорит об этом прямо: «Хотя для нас Он и новый, но Он древний или, правильнее, предвечный, ибо о сем свидетельствуют Его власи белы». То есть седина здесь — не признак старости, а знак вечности. Это символ того, что Христос был прежде всех веков.

Теперь про надпись «Саваоф». Само имя означает «Господь Воинств» — Владыка небесных сил, ангелов, всего творения. В Библии это имя встречается много раз, но нигде не сказано, как именно Бог выглядит. В византийском искусстве с этим именем вообще не было связано никакой иконографии. Изображения с надписью «Господь Саваоф» появляются в русском искусстве только в XVI веке. То есть это поздняя традиция, а не апостольская.

И вот здесь самое важное. Церковь прекрасно видела проблему. На Большом Московском соборе 1667 года изображения Бога Отца были прямо запрещены как «нелепые и нечестивые» — потому что Бог Отец невидим и не воплощался. То, что такие образы всё равно остались в народном обиходе и в некоторых храмовых росписях, — это факт, но это не норма. Это скорее следствие того, что иконописная традиция иногда отступала от богословия под влиянием желания «показать невидимое».

Так что если вы видите «старца» на иконе — это не портрет Бога. Это символический образ Христа в Его предвечности, который в поздней традиции иногда смешался с представлением о Боге Отце. И Церковь сама это признаёт.

А теперь, собственно, кто такой Бог.

Библия говорит о Нём так, что становится ясно: Он — не «объект» среди других объектов. Моисей просит показать ему славу Божию, и Бог отвечает: «человек не может уви-

деть Меня и остаться в живых» (Исх. 33:20). Не потому, что Бог жестокий, а потому, что Он настолько несоизмерим с нами, что наше зрение, наш ум просто не выдержат. Апостол Павел говорит, что Бог «обитает в непреступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может» (1 Тим. 6:16).

Святитель Григорий Богослов сказал: «Изречь невозможно, а уразуметь еще более невозможно». Это не значит, что мы ничего о Нём не знаем. Это значит, что всё, что мы знаем, — это капля в океане.

Но вот что важно. Бог открыл о Себе нечто такое, что переворачивает всё. Он открыл, что Он — Троица. Один Бог в трёх Лицах: Отец, Сын и Святой Дух. Это не три Бога. Это один Бог, но в Нём есть какая-то внутренняя жизнь, которая нам не до конца понятна. Святой Кирилл, учитель славян, объяснял это так: посмотри на солнце. Есть круг, есть свет, который от него исходит, и есть тепло. Круг — это не свет, свет — не тепло. Но это одно солнце, а не три.

И вот здесь, наверное, самое главное. Бог — не «абсолют», не «безличная энергия», не «вселенский разум». Христианство настаивает: Бог — это Личность. Не в том смысле, что у Него есть борода и характер, а в том смысле, что Он может вступить с тобой в отношения. Он может услышать. Он может ответить. Он может молчать. С Ним можно поссориться, как Иов, и Он выдержит. С Ним можно говорить на «ты».

Блаженный Августин сказал: «Ты видишь Троицу, если видишь любовь». Мне кажется, это самая точная вещь, которую я читал о Боге. Бог — не «сила». Бог — это любовь. Не сентиментальная, не «обнимашки», а та, которая держит мир и не даёт ему рассыпаться.

А «старец на облаке» — это не Бог. Это образ, который появился в поздней иконографии, который сама Церковь считает проблематичным, и который к живому Богу, вступившему в отношения с человеком, не имеет отношения. Бог не сидит на облаке. Он везде. И Он не старец. Он Тот, кто был прежде всех веков и кто пришёл к нам как человек — не для того, чтобы мы на Него смотрели, а для того, чтобы Он мог посмотреть на нас и сказать: «Я с тобой».

2. Почему Бог допускает зло и страдания — особенно страдания детей?

Я не буду делать вид, что у меня есть ответ, который снимает этот вопрос. Если бы он у меня был, я бы, наверное, написал богословский трактат и стал знаменитым. Но трактата нет. Есть только то, что я успел понять за годы, и то, что говорят люди, которые думали об этом дольше и глубже меня.

Начнём с того, что этот вопрос — не «глупый» и не «греховный». Его задаёт книга Иова. Его задаёт Достоевский. Его задаёт каждый человек, у которого болел ребёнок или умирал кто-то близкий. Если бы Церковь запрещала этот вопрос, она была бы сектой. Она его не запрещает. Она сама его задаёт.

Преподобный Иоанн Дамаскин различал два вида «оставления» Богом: одно — воспитательное, для исправления, другое — полное, когда человек уже неисцелим. Но даже это различие не объясняет, почему страдает ребёнок, который ещё ничего не сделал. И святые отцы это признают. В православной энциклопедии прямо сказано: зло существует не по воле Божией, но по Его попущению. Это разные вещи. Бог не хочет, чтобы ребёнок болел. Но Он не отменяет свободу мира, в котором мы живём, — мир, который мы сами, люди, исказили.

И вот здесь начинается самое трудное. Если Бог не хочет страдания, но допускает его, то почему? Один ответ я слышал от священника, и он мне запомнился своей честностью: «Потому что Бог не насилует». Он не насилует ни мир, ни человека. Он не делает так, чтобы всё было «хорошо» принудительно. Он ждёт. Он стоит у двери и стучит. И это ожидание — цена свободы.

В книге, которую я читал много лет назад, была мысль, которая меня зацепила: «Бог попускает диаволу, по праведному суду, угнетать людей мучительными скорбями», — это преподобный Максим Исповедник. Но там же сказано: хотя страдания попущены Богом, «провод-

ником» их оказывается сатана. То есть Бог не «посылает» болезнь. Он не сидит на облаке с луком и стрелами. Он допускает мир, в котором болезнь возможна, потому что этот мир — не кукольный театр.

И ещё одна вещь, которую я не сразу понял. Христос сам вошёл в это страдание. Он не объяснил его с безопасного расстояния. Он умер. Он был ребёнком, которого искал Ирод. Он был человеком, которого били и который кричал: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» Если Бог молчит, когда мы спрашиваем о страдании, то Он молчит не потому, что Ему всё равно. Он молчит потому, что Он уже ответил — не словами, а Собой.

Я не знаю, утешает ли это кого-то. Меня не всегда утешает. Но я не знаю другого ответа, который не был бы ложью.

3. За что Бог «наказывает» меня болезнью или смертью близкого?

Я слышал эту фразу сотни раз, и каждый раз она режет мне слух. «Бог наказал». «Бог забрал». «Бог послал болезнь за грехи». Люди говорят это, чтобы хоть как-то объяснить то, что необъяснимо. Но они не понимают, что делают.

В Евангелии от Иоанна есть сцена, которая отвечает на этот вопрос прямо. Ученики спрашивают Христа про слепорождённого: «Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» И Христос говорит: «Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нём явились дела Божии» (Ин. 9:2–3). То есть Он прямо отсекает механическую связь между болезнью и конкретным грехом. В православной литературе это подчёркивается: страдание — не отмщение и не наказание за грехи.

Но тогда что это? Преподобный Марк Подвижник говорил: «В невольных болезненных прискорбностях сокрыта милость Божия, которая влечет переносящих оные к покаянию и избавляет от вечного мучения». Это не значит, что Бог посылает болезнь, чтобы «научить». Это значит, что даже в болезни, которая пришла не от Бога, есть возможность встречи с Ним. Бог не автор зла, но Он может войти в зло и превратить его в путь к Себе.

Один священник, отец Всеволод Чаплин, написал как-то вещь, которая мне кажется важной. Он сказал, что мы часто обижаемся на Бога не потому, что Он нас «наказал», а потому, что Он не поддержал наши ожидания комфорта. «Нарушается этот комфорт, лишаешься ты чего-то... значит, имеешь основание на Бога обижаться». И это очень честно. Мы хотим, чтобы Бог был гарантом нашего удобства. А Он не гарант. Он — Бог.

Если у вас умер близкий, и вам говорят: «Бог забрал», — это не богословие. Это попытка утешить, которая ранит. Бог не «забирает». Смерть пришла в мир не по Его воле, а по нашей. И Он не стоит над ней с указкой, объясняя, за что. Он стоит рядом с вами и плачет вместе с вами, как плакал у гроба Лазаря, хотя знал, что через пять минут воскресит его.

4. Что такое Промысл Божий, если я сам принимаю решения?

Мне нравится одно сравнение, которое я услышал в передаче одного священника. Он сказал, что Промысл Божий — это как навигатор в машине. Ты едешь из Петербурга в Москву. Навигатор знает, что тебе нужно в Москву. Но если ты решишь свернуть во Владивосток, он не будет тебя блокировать. Он просто перестроит маршрут и будет вести тебя к Москве оттуда, куда ты сам себя загнал.

Это не идеальное сравнение, но оно помогает. Промысл — не «сценарий», в котором ты актёр, читающий по бумажке. Промысл — это то, что Бог видит все твои возможные выборы и знает, как из любого из них вывести тебя к Себе. Преподобный Иустин Попович писал: «Ни свобода разумных тварей не мешает Божью Промыслу, ни Божий Промысл не стесняет свободы». Это не логическая формула, которую можно доказать. Это то, что открывается в опыте.

Святитель Иоанн Златоуст говорил: «Человек не может постичь путей Божия промысла о мире... ибо, главным образом, Промысл и состоит в том, что причины для нас непо-

стижимы». То есть Промысл — это не то, что можно «вычислить». Это то, что можно доверять. Как доверяют человеку, которого любят, даже когда не понимают, что он делает.

Если вы сейчас читаете это и думаете: «У меня в жизни всё рушится, какой ещё Промысл», — я не буду вас убеждать. Я просто скажу: Промысл не в том, что всё будет хорошо по-вашему. Промысл в том, что даже из самого худшего, что с вами случилось, Бог может сделать что-то, что вы сейчас не видите.

5. Как не возненавидеть Бога после трагедии?

Я не знаю человека, который не проходил через это. Я не верю тем, кто говорит, что никогда не злился на Бога. Может быть, они святые. Но я не святой.

На «Азбуке веры» есть ответ на похожий вопрос. Там сказано: «Своей ненавистью вы вредите не Богу, а себе». Это правда. Но это не значит, что чувство нужно подавить. Его нужно честно назвать. Иов кричал на Бога. Псалмопевец кричал: «Доколе, Господи?» Это не грех. Грех — это когда ты уходишь и хлопаешь дверью. А когда ты стоишь и кричишь — ты всё ещё здесь.

Один священник сказал: «Перестаньте воспринимать Бога как угрозу». Это, мне кажется, ключ. Если вы думаете, что Бог — это Тот, кто в любой момент может вас наказать, то вы будете Его ненавидеть. Но если вы думаете, что Он — Тот, кто хочет вас спасти, то ненависть становится чем-то другим. Она становится болью от непонимания. А боль от непонимания — это уже не ненависть.

Преподобный Макарий Оптинский писал: «Неужели не волит Господь искусить любовь и веру нашу к Нему отнятием утешений, и посланием тяготы и мрака, чтобы мы и в сем состоянии пребыли тверды в вере и надежде к Нему». Это не «Бог вас бросил». Это «Бог проверяет, останетесь ли вы с Ним, когда вам не сладко».

Я не знаю, помогает ли это. Мне в своё время помогла одна мысль: если Христос кричал на кресте «для чего Ты Меня оставил», то и я имею право кричать. И Бог не отвернулся от Него. Значит, не отвернётся и от меня.

6. Если Бог есть, почему Он не проявляет Себя научно доказуемым образом?

На этот вопрос есть короткий ответ, который мне кажется исчерпывающим. Бог не «объект». Наука изучает объекты. Она измеряет, взвешивает, воспроизводит. Бог не измеряется, не взвешивается и не воспроизводится по заказу. Если бы Он делал это, Он был бы не Богом, а лабораторным феноменом.

Апостол Павел говорит, что Бог «обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может» (1 Тим. 6:16). Это не «Он прячется». Это «Он настолько другой, что наши приборы не подходят». Представьте, что вы пытаетесь измерить любовь своей матери термометром. Термометр покажет температуру тела. Но любовь он не покажет. Не потому, что её нет, а потому, что инструмент не тот.

Святитель Иоанн Златоуст говорил, что догматы веры «чужды умствования» и «доступны единственно вере». Это не антиинтеллектуализм. Это признание границ. Наука может сказать, как работает мир. Она не может сказать, зачем он есть. И когда она пытается это сказать, она выходит за свои границы и становится плохой философией.

Если вы учёный и читаете это, я не предлагаю вам «просто верить». Я предлагаю вам честность: признать, что есть вопросы, на которые ваша наука не отвечает, и не делать вид, что их нет.

7. Что такое свобода и почему Церковь её якобы ограничивает? Разве «раб Божий» — это не унижение?

Слово «раб» в Ветхом Завете и в древнем мире означало не то, что мы представляем. Раб был собственностью. Но в Библии это слово используется для отношений с Богом совсем иначе. «Раб Божий» — это не «вещь». Это тот, кто принадлежит Богу, а не людям. Это тот, кто свободен от власти других людей и от власти страстей.

Апостол Павел говорит: «Господь есть Дух, а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3:17). То есть свобода — это не «делаю что хочу». Это «делаю то, для чего создан». Рыба свободна в воде. Птица свободна в небе. Человек свободен в Боге. Вне Бога он свободен только от одного — от возможности быть собой.

Церковь не ограничивает свободу. Она указывает на то, что некоторые «свободы» на самом деле — рабство. Свобода напиться — это рабство алкоголя. Свобода спать с кем угодно — это рабство похоти. Свобода ни перед кем не отчитываться — это рабство гордости. Церковь говорит: ты создан для большего. И это «большее» требует отказа от меньшего. Не потому, что меньшее — зло, а потому, что оно не ты.

8. В чём смысл жизни с точки зрения православия — и чем он отличается от «просто жить хорошо»?

«Просто жить хорошо» — это не смысл. Это комфорт. Смысл — это то, что остаётся, когда комфорт заканчивается.

Православие говорит, что смысл жизни — в обожении. Это страшное слово, которое я сам долго не понимал. Оно означает не «стать Богом по природе», а «стать причастным Богу». Как раскалённое железо: оно не становится огнём, но в нём начинает действовать огонь. Так и человек: он не становится Богом, но в нём начинает действовать благодать.

Один святой сказал: «Бог становится Человеком, чтобы человек стал богом». Это не богохульство. Это цель. Человек создан не для того, чтобы просто жить, работать, рожать детей и умереть. Он создан для того, чтобы соединиться с Богом. И всё остальное — работа, семья, творчество — имеет смысл только в свете этого.

Если это звучит слишком абстрактно, скажу проще. Смысл жизни — в любви. Не в «чувстве любви», а в том, чтобы стать таким, чтобы любить было твоей природой. А для этого нужен Бог, потому что мы сами не умеем.

9. Как понимать «подставь другую щёку», если рядом стоит «око за око»? И если убийство — грех, почему в Ветхом Завете Бог иногда благословляет войну?

Есть старый анекдот. Заходит в храм хулиган, подходит к священнику и бьёт его по лицу. «А что, отче, — говорит, — сказано ведь: ударили по правой щеке, подставь и левую». Батюшка, бывший мастер спорта по боксу, хуком слева отправляет наглеца в угол храма и кротко произносит: «Сказано также: какой мерой меряете, такой и вам отмерено будет». На шум вбегает дьякон: «Что тут происходит?» А прихожане ему отвечают: «Евангелие толкуют».

Я люблю этот анекдот не потому, что он смешной (хотя он смешной), а потому, что он точно показывает, где мы обычно спотыкаемся. Парень в храме прочитал одну строчку и решил, что понял всё. А батюшка прочитал другую строчку и напомнил, что Евангелие — это не сборник лозунгов, вырванных из контекста.

Давайте разбираться без анекдотов.

«Око за око» — это не призыв к мести. Это ограничение. До этого закона люди мстили без меры: ты мне выбил зуб — я тебе сожгу дом. «Око за око» означало: не больше, чем тебе причинили. Это был шаг вперёд по сравнению с кровной местью. Ветхий Завет вообще часто описывают как «детоводителя» — то есть он ведёт человека от грубого состояния к более человеческому, но не сразу.

«Подставь другую щёку» — это следующий шаг. Не отмена предыдущего, а движение дальше. Сначала — не мсти больше, чем должны. Потом — не мсти вообще. Но вот что критически важно: это не значит, что ты должен позволять себя бить.

Святитель Иоанн Златоуст, толкуя это место, говорит прямо: речь здесь не только об ударе в щёку, но о «всякой другой обиде». И он же добавляет вещь, которую современный парень должен услышать: «Это не значит, что вовсе не нужно наказывать всякое зло; защищать невинных и наказывать злых есть священная обязанность». Более того, Златоуст говорит, что защищать свою собственность для семьи — нормально, и отдавать грабителя в руки правосудия — тоже.

Если обидели тебя, ты имеешь право не ответить. Не потому, что ты слабак. А потому что уподобляться негодяю неправильно и бессмысленно. Но это не значит, что ты не должен себя защитить, если речь идет о прямом нападении и твоей жизни и здоровью угрожает опасность.

Если хулиган пристаёт к девушке в переулке, ты не «подставляешь щёку». Ты встаёшь между ними. Если кто-то бьёт твоего младшего брата, ты не «терпишь». Ты останавливаешь. Святитель Филарет Московский сформулировал это коротко и жёстко: «Прощай врагов своих, бей врагов отечества и гнушайся врагами Божиими».

И тут мы подходим к вашему вопросу про войну. Почему Церковь благословляет воинов? Не на убийство, а на защиту. Протоиерей Сергей Привалов говорит об этом прямо: «Церковь благословляет воинов не на убийство, а на защиту Отечества». В документах Русской Православной Церкви сказано, что участие в боевых действиях не воспрещается, «если речь идет о защите Отечества и ближних или о восстановлении попорченной справедливости».

Пример, который стоит запомнить: преподобный Сергей Радонежский благословил на битву двух монахов, Пересвета и Ослябю, хотя монахам канонически запрещалось проливать кровь. Он понимал, что есть ситуации, когда не защитить — это большее зло, чем защитить.

А как же «благословляйте проклинающих вас»? Это не противоречит защите. Это о том, что происходит внутри тебя, когда ты защищаешь. Ты можешь остановить зло, не ненавидя человека. Более того, святые отцы различают гнев на грех и гнев на человека. Василий Великий допускал «праведный гнев» против греха, но предупреждал, что он легко переходит в гнев против брата. Иоанн Златоуст говорил, что гнев может быть полезен, «когда мы не за себя отмщаем, но обуздываем дерзких».

То есть: бей не потому, что он тебе противен. Останавливай потому, что иначе он покалечит кого-то ещё. И после — не тащи это в сердце. Вот это и есть «благословляйте проклинающих вас»: не дать ненависти поселиться в тебе, даже когда ты вынужден действовать жёстко.

Так что спорт, сила, умение защитить — это не «не по-христиански». Это инструменты. Вопрос только в том, в чьих руках они находятся: в руках того, кто хочет доказать, что он сильнее, или в руках того, кто хочет, чтобы зло остановилось.

«Какой мерой меряете» — это ведь не только про наказание. Это и про то, что ты сам выбираешь, какой мерой жить. Мерой мести или мерой защиты. Мерой ненависти или мерой силы, которая не разрушает тебя изнутри.

10. Если Бог пришёл сначала к народу Израиля, почему мы, неевреи, тоже должны верить и спасаться? Разве это не «чужая религия»?

Этот вопрос мне задавали не раз, и я его понимаю. Человек открывает Библию, начинает читать Ветхий Завет и видит: Бог говорит с одним конкретным народом. Выводит его из Египта, даёт ему закон, заключает с ним завет, наказывает его, спасает его. И возникает естественное чувство: «Ну, это их история. При чём тут я? Почему я должен верить в Бога, который сначала пришёл не ко мне?»

Чувство это не глупое. Оно честное. И ответ на него есть, но он не в одну строчку.

Избрание Израиля никогда не было целью само по себе. В православной традиции подчёркивается, что избрание еврейского народа было временным и прообразовательным. Профессор Алексей Осипов пишет прямо: избрание носило «временный и прообразовательный характер», а основной причиной было то, что этот народ обладал способностями сохранить Откровение о спасении мира через Христа и проповедовать о Нём среди всех народов. То есть Израиль был выбран не потому, что он «лучше» других, а потому, что через него Бог хотел добраться до всех.

Апостол Павел в Послании к Римлянам развивает эту мысль: избрание зависит не от заслуг, а от милости Божией. И более того — когда Израиль в массе своей не принял Христа, это не отменило Божьего плана, а открыло дверь язычникам. Святитель Кирилл Александрийский толкует это так: «неверие Израиля привело мир к послушанию Богу», Бог принял язычников, чтобы вызвать ревность израильтян.

«Богоизбранный народ» — это не этническая категория, а категория веры. «Азбука веры» даёт чёткую формулировку: «Со времени заключения Нового Завета и образования Церкви, избранным народом стали христиане». Апостол Павел говорит прямо: «Если вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники» (Гал. 3:29). То есть принадлежность к «народу Божию» определяется не кровью, а верой. Осипов формулирует это ещё жёстче: «Есть лишь один избранный народ — Церковь, являющаяся истинным Израилем, включающим в себя как евреев, так и неевреев».

И вот что это значит лично для тебя. Если ты не еврей и читаешь это, то Бог не «пришёл к чужим людям, а тебя забыл». Он пришёл к Израилю, чтобы через Израиль прийти ко всем. Христос родился в конкретном народе, в конкретной культуре, в конкретной точке истории — но Он родился не для того, чтобы спасти только этот народ. Симеон Богоприимец, взяв Младенца на руки, сказал: «Свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» (Лк. 2:32). Обе вещи — вместе.

И если ты чувствуешь себя «чужим» в этой истории, вспомни, что первые христиане тоже были «чужими» — они были иудеями, которые уверовали, что Мессия пришёл. А потом к ним присоединились греки, римляне, славяне, германцы — все, кто не имел никакого отношения к Аврааму по крови. И Церковь с самого начала настаивала: для того чтобы быть своим, не нужно становиться иудеем. Нужно уверовать.

Так что вопрос «почему мы должны» имеет ответ: мы не «должны» в смысле «обязаны чужой религией». Мы приглашены. А приглашение — это не принуждение.

11. Что значит «бояться Бога»? Разве страх — это не противоположность любви?

Страх Божий — это не страх наказания. Это страх оскорбить любовь. Представьте, что у вас есть человек, которого вы очень любите. Вы боитесь не того, что он вас ударит. Вы боитесь того, что вы его раните. Вот это — страх Божий.

Преподобный Иоанн Лествичник говорил, что страх Божий — это начало любви. Сначала ты боишься согрешить, потому что боишься наказания. Потом ты боишься согрешить, потому что не хочешь огорчить Бога. Потом ты просто любишь. И страх уходит.

Если вы сейчас боитесь Бога как «карателя», это не конец. Это начало. Бог принимает вас и на этой стадии. Он не требует, чтобы вы сразу любили Его как Отца.

Я не знаю, ответил ли я на что-то. Может быть, вы закрыли эту часть и думаете: «Ну и где ответы?» Я и сам иногда так думаю. Но я заметил одну вещь за годы: вопросы, на которые есть лёгкие ответы, обычно не настоящие. Настоящие вопросы остаются. И ты живёшь с ними. И постепенно они перестают быть ранами и становятся дверями.

Если у вас есть силы читать дальше — я буду рад. Если нет — закройте книгу. Бог подождёт.

Часть II. Любовь, семья, отношения

12. Как отличить влюблённость от любви, если мне 18 и кажется, что это навсегда?

Я не люблю отвечать на этот вопрос с ходу. Потому что обычно за ним стоит не «объясните мне теорию», а «мне страшно, что я ошибаюсь, и я не знаю, как это проверить». И если я сейчас начну рассказывать про гормоны и возрастную психологию, человек просто закроет книгу. Он не за этим пришёл.

Давайте сначала о том, что влюблённость — это не грех и не глупость. Мне приходилось слышать, как подросткам говорят: «это всё пройдёт, это не любовь». И это, наверное, самая неудачная фраза, которую можно сказать. Потому что человек в этот момент чувствует, что его не слышат. А он чувствует по-настоящему. Влюблённость — это вообще не «недо-любовь». Это её начало, её первая страница. Другой вопрос, что книга на этом не заканчивается, а многие почему-то решают, что уже дочитали.

Вот смотрите, чем я сам для себя отличаю одно от другого. Может быть, грубо, но работает.

Влюблённость всё время крутится вокруг меня. Как мне с этим человеком хорошо, как я расцветаю рядом с ним, как мне хочется, чтобы он был рядом. Это не плохо, это естественно. Но центр тяжести — во мне. Любовь, если она настоящая, постепенно переносит центр тяжести на другого. И ты начинаешь хотеть не «чтобы мне было хорошо», а «чтобы ему было хорошо». Даже если для этого тебе придётся подвинуться. Даже если тебе будет не очень.

И вот ещё что. Влюблённость видит человека не целиком. Она видит то, что нравится, и остальное дорисовывает. Я помню, как в восемнадцать был абсолютно уверен, что знаю человека, с которым встречался, — а потом выяснилось, что я знал только его «парадную версию». И это было больно. Любовь — она, наверное, и есть способность видеть недостатки, видеть, что человек не идеален, и всё равно оставаться. Не «терпеть», а именно оставаться, потому что ты выбрал этого человека, а не картинку о нём.

И ещё постоянство. Влюблённость вспыхивает и гаснет — это её природа, и в этом нет ничего постыдного. Она может пройти через месяц, через год, через три. Если она проходит — это не значит, что вы «предали» или что «любви не было». Она была. Просто она была влюблённостью. А любовь — это то, что остаётся, когда острота первых свиданий уходит. Когда вы уже не сидите ночами в обнимку, а обсуждаете, кто заберёт ребёнка из садика и почему опять не помыта посуда. И вот тут становится видно, что там внутри.

Вы спросите: а как проверить, если мне 18 и мне кажется, что это навсегда? Я не буду говорить «подожди, пройдёт». Может, и не пройдёт. Может, это действительно оно. Но я предложу вам один вопрос, который стоит задать себе честно. Представьте, что завтра этот человек заболеет. Не насмерть, а тяжело и надолго. Или потеряет работу, или перестанет быть весёлым и интересным, или просто с ним станет трудно. Вы хотите остаться рядом? Не «должны», а именно хотите? Если внутри что-то говорит «ну, не знаю, я не за это подписывался» — это, скорее всего, влюблённость. И это нормально. Если говорит «да, и мне страшно, но я не уйду» — это уже что-то другое.

Я не хочу, чтобы это звучало как приговор влюблённости. Боже сохрани. В восемнадцать влюбляться — это, может быть, одно из самых важных дел в жизни. Это учит видеть другого, выходить из себя, переживать, ошибаться, подниматься. Просто не надо на пике этого чувства принимать решения, которые потом нельзя отменить. Это касается брака, это касается первых серьёзных шагов. Не потому, что вы глупые. А потому, что влюблённость — плохой советчик в вопросах, которые решаются на всю жизнь.

Так что влюблённость — не враг любви. Это её первая страница. Вопрос только в том, готовы ли вы читать дальше, когда страница перевернётся и текст станет сложнее, чем в начале.

13. Можно ли выбирать спутника жизни «с холодной головой», или это не по-христиански?

Вопрос с подвохом. Потому что «холодная голова» и «горячее сердце» — это не два врага, которые должны подражаться. Это две вещи, которые должны работать вместе.

В православной традиции нет требования, чтобы ты выходил замуж или женился по «расчёту» в смысле «у него квартира и машина». Но нет и требования, чтобы ты выходил замуж или женился по «страсти», которая через год уляжется, и ты останешься с человеком, с которым тебе не о чем говорить.

Один священник, отец Максим Первозванский, говорил, что к выбору спутника надо подходить сознательно и трезво, а не ждать «некоего страстного влечения». Это не значит «выбирай по списку». Это значит: смотри не только на то, как у тебя колотится сердце, но и на то, какой это человек. Добрый ли он. Честный ли. Как он относится к родителям. Что он делает, когда злится. Может ли он признать ошибку. Это всё — не «романтика», но именно из этого складывается жизнь.

Я знаю людей, которые вышли замуж «по любви» и через пять лет обнаружили, что живут с незнакомцем. И знаю людей, которые женились «с головой», а потом эта голова оказалась соединена с сердцем, и они прожили вместе сорок лет. Нет одного правильного рецепта.

Христианство говорит вот что: брак — это не «чувство». Это решение. Чувство приходит и уходит. Решение остаётся. И если ты выбираешь человека, с которым хочешь принять это решение, — думай не только о том, как тебе с ним сейчас, но и о том, каково тебе будет с ним через десять лет, когда вы оба изменитесь.

14. Почему Церковь настаивает на целомудрии до брака? Это же пережиток.

Я слышал этот вопрос много раз, и каждый раз мне хочется спросить: пережиток чего? Если это «пережиток», то почему он не исчез? Почему люди, которые выросли в мире, где «можно всё», всё равно иногда чувствуют, что что-то не так?

Целомудрие — это не «запрет на секс». Это слово означает целостность. Когда человек целостный, его тело, его душа и его слова не противоречат друг другу. Он не говорит «я люблю тебя» и не использует другого для удовольствия. Он не отдаёт своё тело тому, кому не отдаёт свою жизнь.

Я не буду делать вид, что это легко. И не буду делать вид, что все, кто не сохранил целомудрие, — «испорченные». Это не так. Но я скажу вот что. Когда ты отдаёшь своё тело кому-то, ты отдаёшь не просто «физиологию». Ты отдаёшь что-то, что связано с тобой глубже, чем ты думаешь. И если этот человек не тот, с кем ты готов прожить жизнь, — ты оставляешь в себе след, который потом трудно стереть.

Апостол Павел говорит: «Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела» (1 Кор. 6:13). Это не про «нельзя». Это про «ты принадлежишь не себе». И тот, кто это понимает, начинает иначе смотреть на своё тело и на тело другого человека.

Целомудрие — это не «старомодно». Это просто честно. По отношению к себе и к тому, кого ты, возможно, полюбишь по-настоящему.

15. Сколько нужно встречаться до брака, чтобы не ошибиться?

Я не знаю универсального ответа. И никто не знает. Один священник советует не меньше года. Другой скажет, что и года мало. Третий женился через три месяца и прожил с женой сорок лет.

Но я замечал одну вещь. Люди, которые встречаются год и больше, обычно успевают пройти через несколько «сезонов». Они видят друг друга не только в состоянии «всё хорошо». Они видят друг друга уставшими, злыми, занятыми, больными. И если после этого они всё ещё хотят быть вместе — это хороший знак.

Год — это не «гарантия». Это просто достаточный срок, чтобы влюблённость немного отступила и стало видно, что под ней. Если под ней ничего нет — лучше узнать это до свадьбы, а не после.

Но вот что важнее срока: **о чём вы говорите**. Если вы за год ни разу не обсудили, как вы будете решать конфликты, кто будет зарабатывать, что вы думаете о детях, как вы относитесь к вере, — вы не узнали друг друга. Вы узнали, как вам вместе приятно проводить время. Это не то же самое.

16. Как понять, что это «мой» человек, а не просто удобный вариант?

Есть один вопрос, который мне кажется честным. Не «люблю ли я его», а «хочу ли я, чтобы он был счастлив, даже если это будет без меня». Если ответ «да» — это уже не просто удобство. Если ответ «нет, я хочу, чтобы он был счастлив только со мной» — это может быть любовь, а может быть собственничество. Разница в том, что любовь отпускает, а собственничество держит.

И ещё: «мой» человек — это не тот, кто идеально тебе подходит. Это тот, с кем ты готов работать над отношениями. Потому что «идеально подходит» не бывает. Бывает «мы решили, что будем вместе, и мы будем это строить». Удобный вариант — это когда всё легко. «Мой» человек — это когда всё не всегда легко, но ты не хочешь уходить.

17. Где грань между дружбой и любовью?

Грань размытая, и это нормально. Дружба между мужчиной и женщиной существует. Но она существует не потому, что «между нами ничего не может быть», а потому, что вы оба выбрали не переходить черту.

Опасность в том, что дружба часто становится «запасным аэродромом». Один из вас или оба в какой-то момент начинают чувствовать больше, но молчат, потому что «мы же друзья». И тогда дружба становится чем-то нечестным.

Если ты чувствуешь, что это уже не дружба, — скажи. Или отойди. Не живи в подвешенном состоянии годами. Это нечестно ни к тебе, ни к другому.

18. Как молиться о встрече спутника — и не превращается ли это в «заказ»?

Молиться можно. Бог не против того, чтобы ты просил о счастье. Но есть разница между «Господи, пошли мне хорошего человека» и «Господи, сделай так, чтобы Вася полюбил меня».

Первое — это просьба о том, чтобы Бог устроил твою жизнь. Второе — это попытка управлять другим человеком. Первое оставляет Богу свободу. Второе — нет.

И ещё: молитва о спутнике не отменяет того, что ты должен выходить из дома и с кем-то знакомиться. Бог может послать тебе человека через твоих друзей, через работу, через храм. Но если ты сидишь и ждёшь, что он постучит в дверь, — ты можешь ждать долго.

19. Что делать, если я не хочу семью и детей? Это грех?

Нет, это не грех. Безбрачие — это не «второй сорт». Апостол Павел говорит, что безбрачный заботится о Господнем, а женатый — о мирском (1 Кор. 7:32–33). То есть безбрачие может быть даже преимуществом, если человек им пользуется для чего-то большего.

Но вот что важно: «не хочу семью» может быть разным. Одно дело — «я чувствую, что моё призвание в другом». Другое — «я боюсь ответственности» или «мне лень». Второе — это не призвание, это избегание. И это стоит честно назвать.

Если ты не хочешь детей потому, что боишься, что не справишься, — это нормальный страх. Многие боятся. Но страх — не то же самое, что нежелание. Спроси себя: если бы я знал, что справлюсь, я бы хотел? Если да — может быть, дело не в нежелании, а в страхе. И с этим можно работать.

20. Почему после свадьбы всё стало иначе? Мы же любили друг друга.

Потому что до свадьбы вы встречались. А после — живёте вместе. Это разные виды спорта. До свадьбы вы видели друг друга в «лучшей версии». После — вы видите друг друга утром, с помятым лицом, в плохом настроении, с невытой посудой в раковине и с вопросом «кто сегодня выносит мусор».

И вот здесь начинается то, о чём редко говорят в книгах про любовь. Начинается быт. Не «романтика», а «кто купит хлеб», «почему ты не сказал, что придёшь поздно», «твоя мама опять звонила», «я устал, давай не сейчас». Это не «мелочи». Это ткань жизни. И именно из-за этих мелочей чаще всего и рушатся браки. Не из-за измен. Не из-за «разлюбил». А из-за того, что люди не научились разговаривать о том, что их раздражает, пока это ещё «мелочь».

До свадьбы вы оба старались быть лучше, чем есть. Это нормально. Это не обман. Это «конфетно-букетный период», когда ты хочешь показать себя с лучшей стороны. Но это не может длиться вечно. И когда оно заканчивается, вы оба оказываетесь в одной квартире, с одной зарплатой, с одними выходными и с разными представлениями о том, как это должно выглядеть. И вот тут начинается настоящая работа.

В православной традиции брак называют «малой церковью». Это не красивая метафора. Это указание на то, что брак — это не «место, где тебе всегда хорошо». Это место, где ты учишься любить другого человека не за то, что он «удобный», а за то, что он твой. И учиться этому приходится каждый день. Через «прости». Через «я был неправ». Через «давай поговорим». Через «я устал, но я тебя слышу».

Святитель Иоанн Златоуст говорил: «Муж должен снисходить к жене, а жена должна уступать мужу». Это не про «кто главный». Это про то, что в браке нет места «принципиальности». Если ты «принципиально» прав, а жена плачет — ты не прав. Если ты «принципиально» устал, а муж молчит — ты не слышишь его. Любовь — это не «стоять на своём». Это «стоять рядом».

Если после свадьбы стало иначе — это не трагедия. Это взросление. Трагедия — это если вы оба решите, что «раньше было лучше», и начнёте искать это «раньше» где-то ещё. Не в другом человеке. А в том, что было до. Но «до» не вернётся. И если вы будете жить в ожидании, что оно вернётся, вы пропустите то, что есть сейчас. А сейчас — это шанс построить что-то новое. Не «то же самое, что было». А лучше. Потому что теперь вы знаете друг друга не «в лучшей версии», а настоящими. И если вы всё ещё выбираете друг друга — это уже не влюблённость. Это любовь.

21. Можно ли развестись, если любовь прошла? И правильно ли сохранять брак «ради детей»?

Церковь допускает развод. Не «благословляет», а допускает — как «врачевство» в случае, если брак уже разрушен. Это важное различие. «Благословить» значит «пожелать добра». А развод — это не добро. Это операция. Её делают, когда иначе человек умрёт. Но никто не говорит, что операция — это «здоровье».

Измена — это одна из причин. Но не единственная. Церковь признаёт и другие: тяжёлая болезнь, которая делает совместную жизнь невозможной, душевная болезнь, оставление семьи, абьюз. Но «разлюбил» в этом списке нет. И это не потому, что Церковь «жестокая». А потому, что «разлюбил» — это не диагноз. Это симптом.

Протоиерей Максим Козлов говорит об этом очень точно. Когда человек говорит «я разлюбил», он обычно имеет в виду: «сердце не бьётся, когда я подхожу к двери», «тёплая волна не поднимается в груди», «меня стало раздражать, как он чешет затылок». И дальше отец Максим задаёт вопрос, который всё меняет: «Допустимо ли для христианина позволять себе определять своё отношение к людям, в том числе и к самым близким, только на уровне таких душевно-физиологических проявлений?»

Ответ — нет. Потому что любовь в браке — это не только чувство. Это решение. И если вы решили, что любовь «прошла», — может быть, вы просто перестали её строить. Отец Максим сравнивает это с молитвой: сначала всё даётся даром, легко, а потом наступает период, когда нужно прилагать усилия. «Так и в браке: сначала нечто даётся тебе даром. Но потом наступает период, когда тебе ради того, чтобы сохранить освящённый Церковью союз, нужно трудиться». Трудиться. С собой справляться. Раздражение не выпускать наружу. Холодность преодолевать усилием.

Но это не значит, что нужно терпеть всё. Если человек изменяет и не кается, если он живёт «на два дома» и ждёт, пока вы «образумитесь», — это не «сохранение брака». Это потакание греху. Отец Максим говорит прямо: «Нельзя знать, что твой муж грешит, и делать вид, что это тебя не касается». Если измена была, но человек кается, и вы можете простить — можно попытаться воссоздать семью. Если не можете — у вас есть право на развод, данное Самим Господом. Но «право» — не «обязанность». Решение может быть разным.

Теперь про «ради детей». Это, может быть, самый сложный момент. Потому что интуитивно кажется: «Если мы разведёмся, детям будет хуже». И это правда. Развод — это второе по силе стрессовое событие в жизни семьи после смерти близкого, по данным медицинских справочников. Дети переживают чувство утраты, тревогу, злость, страх быть брошенными. У них может упасть успеваемость, появиться проблемы со сном, агрессия, у подростков — рискованное поведение.

Но вот что важно. Дети чувствуют не «штамп в паспорте». Они чувствуют атмосферу в доме. Если родители живут вместе «ради них», но при этом не разговаривают, спят в разных комнатах, обмениваются колкостями через стол — дети это видят. И это их травмирует не меньше, а иногда и больше, чем развод. Потому что они растут в атмосфере, где любовь — это «терпение», а брак — это «повинность». И потом они повторяют это в своих семьях.

Православный психолог (и это не оксюморон) сказал бы так: «ради детей» — это не «сохранить брак любой ценой». Это «сделать так, чтобы детям было максимально безопасно». Иногда это значит — сохранить брак. Иногда — развестись, но так, чтобы дети не стали оружием в войне. Не «настраивать против», не «делить», не «выяснять отношения при них». Если вы можете развестись по-человечески — это лучше, чем жить в аду и делать вид, что всё хорошо.

Но это решение, которое нужно принимать не в одиночку и не на эмоциях. Не «я устала, я ухожу». А «я устала, я иду к священнику, к психологу, к человеку, которому доверяю, и мы вместе смотрим, что можно сделать». Иногда после этого «смотрения» оказывается, что брак можно спасти. Иногда — что нельзя. Но это должно быть решение, а не побег.

Святитель Иоанн Златоуст говорил: «В супружестве надо всем жертвовать и всё терпеть для сохранения взаимной любви; если она утрачена — всё пропало». Он не говорил «терпите всё». Он говорил «жертвуйте всем для сохранения любви». Если любви нет и её нельзя восстановить — «всё пропало». И тогда честнее признать это, чем жить в призраке брака.

22. Что можно прощать в семейных отношениях? Можно ли простить измену?

Простить можно всё. Вопрос не в том, «можно ли», а в том, «получится ли» и «нужно ли».

Но здесь есть разница между «прощением» и «всепрощением». В семейной жизни мы прощаем друг другу многое: резкое слово, забытое обещание, раздражение после тяжёлого дня, даже несправедливую обиду. Это нормально. Без этого брак не выживет. Святитель Иоанн Златоуст говорил: «Ничем так не сохраняется любовь, как прощением обид виновным пред нами». Это ежедневная работа. Но измена — это не «очередная обида». Это нечто другое.

Один священник пишет об этом так: измена — это «совершенно исключительный вид греха». Почему? Потому что даже в Евангелии, где Господь заповедал прощать «до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18:22), Он же «грех измены разрешил не прощать даже одного раза, и только ради этой причины разрешил развод. Потому что супружеская измена — это не ошибка, не проявление „человеческой слабости“, но предательство». То есть дело не в том, что Бог не простит кающегося. Дело в том, что изменой разрушается то, что составляет саму суть брака — единство двоих в одну плоть. Брак как целое уже треснул. Развод в этом случае — не «причина» разрушения, а констатация того, что уже произошло.

Но «треснул» не значит «разрушился окончательно». Тот же священник говорит: если есть покаяние изменника, прощение другой стороны и взаимная любовь, — «грех может быть уврачеван и супружеский союз восстановлен». То есть простить измену можно. Но это не «за один день» и не «сделать вид, что ничего не было».

И вот здесь важно сказать то, о чём часто молчат. Простить — не значит забыть. Священник, который много лет исповедует людей, говорит об этом прямо: «Это можно простить, но забыть нельзя. Это не забудется никогда! И когда от человека требуют, чтобы он это забыл, как будто этого никогда не было, это невозможно, не бывает так!» Прощение — это решение не мстить, не разрушать отношения из-за того, что было, не тыкать этим человеку в лицо каждый раз, когда тебе плохо. Но это не означает, что память стирается. Шрам остаётся. И это нормально. Шрам — не признак того, что ты «не простил». Это признак того, что ты живой.

Ещё одно, что стоит понять. Прощение не всегда означает восстановление отношений. Если человек ударил жену, она может его простить — то есть перестать желать ему зла, перестать ненавидеть, молиться за него. Но это не значит, что она должна жить с ним дальше. Священник говорит: «Я могу с тем, кто меня избил, спустя время, когда действительно прощение свершилось, встретиться в храме и сказать ему: „Здравствуй!“ Я могу это, но не могу создавать семью». Прощение — это про твоё сердце. Восстановление отношений — это про безопасность и доверие. Это разные вещи.

Теперь про «капитуляцию». Если изменник не кается, а просто «хочет, чтобы всё было как раньше», — это не прощение. Это капитуляция. Ты «прощаешь» не потому, что он изменился, а потому, что у тебя нет сил бороться. Это не принесёт мира. Это принесёт только новую боль. Настоящее прощение возможно только тогда, когда человек, причинивший боль, эту боль признаёт. Иначе ты прощаешь не его, а свою фантазию о нём.

И последнее. Если вы сейчас читаете это и думаете: «Я не могу простить» — это не грех. Это честно. Прощение — это не то, что можно «включить» усилием воли. Это процесс. Иногда долгий. Иногда очень долгий. И первый шаг в этом процессе — не «заставить себя», а сказать Богу: «Я не могу. Помоги». Как отец бесноватого юноши в Евангелии: «Верую, Господи! помоги моему неверию» (Мк. 9:24). Это не «слабость». Это начало.

23. Что такое «приворот» и почему Церковь считает это опасным?

Приворот — это не «любовная магия». Это попытка управлять волей другого человека. Ты не хочешь, чтобы он полюбил тебя. Ты хочешь, чтобы он не мог тебя не любить. Это насилие, только не физическое.

Священник Даниил Сысоев объясняет это так: «Любовный приворот — это использование магии для того, чтобы заставить себя полюбить». И дальше он говорит вещь, которая сразу ставит всё на место: по церковным канонам (65-е правило святителя Василия Великого)

колдуну, делающему это, полагается 25 лет отлучения от причастия, а заказчику — 6 лет. То есть Церковь с древности воспринимала это не как «глупость» или «суеверие», а как тяжкий грех. Священник Михаил в интервью «Азбуке веры» сравнивает его по тяжести с убийством — «убийством своей души и души другого человека».

Почему так строго? Потому что приворот — это не «помощь в любви». Это обращение к силе, которая не Бог. И эта сила не «нейтральная энергия», а личная. Священник Михаил говорит: «Использование темных сил для того, чтобы заставить полюбить себя — это и называется приворотом». А священник Даниил Сысоев добавляет: «Обычно при помощи некоей процедуры, обычно довольно мерзкой, к данному человеку направляется блудный бес или бес ревности». И вот здесь важно понять: бес не «служит» колдуну. Он «притворяется, что служит», а на самом деле губит всех — и заказчика, и исполнителя, и того, на кого направлен приворот.

Теперь про «что чувствует человек». Это не «любовь». Это то, что священник Михаил описывает так: «К человеку, который был абсолютно неинтересен или даже отвратителен, начинает тянуть с неведомой силой, но в душе нет ощущения ни любви, ни тепла к тем, кто на них наложил приворот, но в плотском отношении все напротив, похоть одолевает их постоянно. При всем этом появляется безумная агрессия с попытками самоубийства». То есть приворот не создаёт любовь. Он создаёт зависимость, которая разрушает человека изнутри.

И вот здесь самое важное, что стоит сказать. Приворот разрушает не только «жертву». Он разрушает и того, кто его заказал. Священник Андрей Ефанов в ответе девушке, которая сделала «белый приворот», говорит прямо: «Бесы — это не такие сущности, которые упустят свое. Не упустят. Поэтому даже играть в магию не надо, даже „в шутку“ отдавать себя во власть этих сил». И дальше он задаёт вопрос, который бьёт в цель: «Вы захотели насильничать над волей человека? Поставьте себя на место человека, над которым Вы хотели совершить приворот. Ужасно, не правда ли? Бог уважает свободу человека! Даже Он не принуждает человека Его любить и быть с Ним».

То есть логика простая. Если ты любишь человека, ты хочешь, чтобы он был с тобой свободно. Если ты хочешь, чтобы он был с тобой не свободно, — это уже не любовь. Это желание владеть. А владеть человеком нельзя. Можно только быть рядом с ним. Или отпустить.

Если ты уже сделал это — не отчаивайся. В Церкви есть исповедь. Священник Андрей Ефанов советует: «Вам нужно срочно идти на исповедь и каяться в том, что Вы сделали». Это не «наказание». Это возвращение. Бог не отвернётся от тебя, если ты придёшь и скажешь: «Я сделал это. Я не понимал, что делаю. Прости». Он ждёт. Но ждёт не «оправданий», а честности.

И последнее. Если ты любишь человека и хочешь, чтобы он был с тобой, — молись. Но не привораживай. Молитва — это просьба. Приворот — это требование. Молитва оставляет человеку свободу. Приворот её отнимает. А любовь без свободы — это не любовь. Это клетка. И в этой клетке ты окажешься вместе с ним.

24. Если родители против моего выбора, кого слушать?

Слушать нужно и родителей, и себя. Но решать — тебе.

Родители часто видят то, чего не видишь ты, потому что они старше и у них больше опыта. Но они также могут видеть то, чего нет, потому что они боятся за тебя и хотят, чтобы ты был в безопасности. Их страх — не всегда пророчество.

Если родители против, спроси их: почему? Не «почему вы против», а «что именно вас беспокоит». Может быть, они видят в твоём избраннике что-то, что ты не замечаешь. Может быть, они просто боятся, что ты уедешь далеко. Может быть, им не нравится, что он «не из наших». Выслушай. Потом реши.

Заповедь о почитании родителей не означает, что они выбирают тебе жену или мужа. Она означает, что ты относишься к ним с уважением, даже когда не согласен. Ты можешь не послушаться и при этом не унижить.

25. Как почитать родителей, если они абьюзивны? Обязан ли я жить с родителями, если они требуют этого, а я хочу самостоятельности?

Это один из самых болезненных вопросов, и я не буду делать вид, что у меня есть простой ответ.

«Почитать» не означает «терпеть насилие». В православной традиции есть различие между почитанием и подчинением. Почитать — это признавать, что они дали тебе жизнь, и относиться к ним с уважением. Подчиняться — это исполнять то, что они говорят. Второе не всегда обязательно.

Один священник на вопрос о том, как почитать агрессивных родителей, отвечает так: «Почитание родителей в условиях агрессии — это верность благодарности за дар жизни при сохранении духовной независимости от их греховных страстей». И дальше: «Дистанция часто становится единственным способом сохранить в сердце искру тепла, не дав ей превратиться в пепелище ненависти».

То есть: ты можешь уйти. Ты можешь не общаться. Ты можешь защищать себя. Это не грех. Грех — это ненавидеть их и желать им зла. Но «не ненавидеть» не значит «позволять себя разрушать».

Если родители поднимают руку — уходи. Если они говорят тебе, что ты ничтожество — не верь. Если они требуют, чтобы ты жил так, как они хотят, — ты не обязан. Ты можешь почитать их на расстоянии. Иногда расстояние — это единственный способ сохранить любовь.

Нужно ли все время жить с родителями? Нет. Взрослый человек не обязан жить с родителями. В традиционных культурах это может быть нормой, но норма — не то же самое, что заповедь.

Заповедь о почитании родителей не означает «живи с ними до старости». Она означает «относись к ним с уважением». Ты можешь жить отдельно и при этом помогать им, звонить им, приезжать. Ты можешь жить отдельно и при этом не чувствовать себя виноватым.

Если родители требуют, чтобы ты жил с ними, потому что «так принято» или потому что «мы тебя вырастили», — это манипуляция. Ты им ничего не должен за то, что они тебя вырастили. Они приняли решение родить тебя. Это был их выбор, а не твой долг.

Это не значит, что ты можешь их бросить. Это значит, что ты имеешь право на свою жизнь.

26. Что делать, если жена отказывает в близости?

Этот вопрос редко задают вслух. Обычно мужчина молчит, потому что стыдно. Или потому что кажется, что «жаловаться на такое» — это как-то неправильно. Но проблема реальная, и от неё рушатся браки не реже, чем от измен.

Начну с того, что говорит апостол Павел. Это место часто цитируют, но редко читают до конца. «Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор. 7:3–5).

Святитель Иоанн Златоуст, толкуя это место, говорит вещи, которые современному уху могут показаться неожиданными. Он говорит, что жена — «и раба и вместе госпожа» мужа. И что уклоняться от близости без согласия другого — это не «подвиг воздержания», а нарушение заповеди. «Если ты уклоняешься от должного служения, то оскорбляешь Бога». И дальше он

объясняет, почему это так серьёзно: «От этого воздержания происходит великое зло; от этого часто бывали прелюбодеяния, блудодеяния и домашнее расстройство».

То есть Церковь с самого начала смотрела на это не как на «личное дело жены», а как на взаимную обязанность. Не «я тебе даю, когда хочу», а «мы принадлежим друг другу». И отказ без согласия — это не «свобода», а нарушение того, что апостол называет «должным благорасположением».

Но вот что важно. Прежде чем искать «виноватого», стоит понять, **почему** она отказывает. И здесь причины бывают очень разные.

Первая: она боится. Не «не хочет», а боится боли, боится беременности, боится, что её не услышат, если она скажет «нет» в другой раз. Если в ваших отношениях когда-то было давление, если она когда-то уступала «потому что надо», а не потому что хотела — она могла закрыться. И тогда отказ — это не «капризы», а защита.

Вторая: она устала. Не «устала от тебя», а физически истощена. Дети, работа, дом, отсутствие сна. Женщина, которая весь день «всем всё даёт», к вечеру может просто не иметь сил ещё и на это. И если муж воспринимает это как «отказ от близости», а не как «крик о помощи», он делает только хуже.

Третья: у неё есть духовник, который её «благословил» на воздержание. Это отдельная боль. Протоиерей Андрей Ефанов в ответе на похожий вопрос говорит прямо: «У нас отказ от интимной близости принят только по взаимному договору супругов. То есть если оба хотят воздержаться ради поста или праздника — слава Богу. Если один из супругов не готов — то воздержание практиковать невозможно». И добавляет важное: «Единственное, накануне дня, когда жена будет причащаться, от близости точно нужно воздержаться». То есть «пост» и «праздники» — это не повод для многодневного отказа. Это вопрос взаимного согласия.

Четвёртая: она потеряла интерес к тебе как к мужчине. И это самая болезненная причина, потому что она требует не «поговорить», а изменить что-то в отношениях. Может быть, ты перестал за ней ухаживать. Может быть, вы перестали разговаривать о чём-то, кроме быта. Может быть, она чувствует себя «функцией», а не женщиной. Отец Андрей Ефанов говорит об этом без обиняков: «Ваша задача — наладить отношения с женой. Упаси Бог от блуда! И так вот постепенно, шаг за шагом, Бог даст, отношения в семье — в том числе и интимные — будут налаживаться».

Интересно, что современные психологи, которые работают с парами, говорят о том же, но другими словами. Психолог журнала «Фома» объясняет: интимная жизнь в браке «никогда не исчезает сама по себе». Чаще всего речь идёт не просто о проблемах в постели, а о том, что «в целом в браке что-то пошло не так». Если накопились обиды, невысказанные претензии, чувство, что тебя не слышат, — попытки восстановить близость без разбора этого «обычно бесполезны». Для женщины интим в такой ситуации может восприниматься «не как проявление тепла и близости, а как ещё одно требование, на которое она обязана отреагировать». То есть психологи видят ту же картину, что и апостол Павел: отказ — это не «капризы», а симптом того, что нарушено что-то более глубокое.

И ещё одно совпадение. Психологи говорят: «Давить не надо. Давление обычно даёт только ещё большее отдаление. Чем сильнее супруга будет чувствовать, что от неё добиваются близости, тем меньше в ней остаётся живого желания». Это ровно то же, что говорил Златоуст, когда предупреждал, что требование «должного» без любви разрушает брак. Церковь и психология сходятся в главном: близость — это не «право», которое можно потребовать, а отношение, которое нужно строить. Разница только в языке. Церковь говорит «любовь и жертва». Психологи говорят «диалог и внимание». Но суть одна.

А теперь — что делать.

Первое: разберитесь с собой, прежде чем разбираться с ней. Прежде чем спрашивать «почему она не хочет», спросите «что я сделал, чтобы она захотела». Не в смысле «я же всё

делаю». А в смысле «когда я последний раз делал что-то не потому, что должен, а потому, что хотел её порадовать». Не «купил продукты». А «принёс цветы без повода». Не «вынес мусор». А «сказал, что она красивая». Это звучит банально, но именно из этого складывается желание. Женщина хочет быть желанной, а не «обязанной».

Второе: поговорите, но не о сексе. Не «почему ты меня не хочешь». А «как ты себя чувствуешь». Не «что с тобой». А «я скучаю по тебе». Когда вы начнёте говорить о чувствах, а не о «проблеме», вы, может быть, услышите то, чего не слышали раньше. Может быть, она скажет, что устала. Может быть, что обижена. Может быть, что боится. И тогда вы поймёте, что «отказ» — это не про постель. Это про всё остальное.

Третье: не давите. Если она говорит «нет», а вы продолжаете настаивать — вы не «добиваетесь», вы разрушаете. Святитель Тихон Задонский предупреждал: когда один супруг оставляет другого «под видом воздержания», это может привести к «тяжкому прелюбодеянию греху». Но это работает в обе стороны. Если вы давите, а она уступает «чтобы не было скандала» — это не близость. Это насилие, только тихое. И оно разрушает и её, и вас.

Четвёртое: если причина в духовнике — идите к священнику вместе. Не к тому, кто «благословил» её на отказ, а к тому, кому вы оба доверяете. Скажите: «Мы хотим разобраться, как нам быть». Хороший священник не будет «назначать» ни вам, ни ей. Он поможет вам услышать друг друга. И если он скажет то же, что апостол Павел, — вы найдёте общий язык. Если он скажет иначе — это его личное мнение, и вы имеете право искать другого.

Пятое: если причина глубже — идите к психологу. Не потому, что «вера не помогает», а потому, что иногда нужен человек, который умеет разговаривать о таких вещах. Это не «неверие». Это честность. Психолог не «заменит» Церковь. Он поможет вам разобраться в том, что вы не видите сами. И если вы найдёте хорошего специалиста, он не будет «разрушать» вашу веру. Он будет работать с вашими отношениями.

И последнее. Если вы чувствуете, что «сил больше нет», — не уходите в блуд. Не потому, что это «грех», а потому, что это не решит проблему. Вы получите «разрядку», а потом вернётесь в тот же дом, к той же жене, и будет только хуже. Проблема не в том, что «не хватает». Проблема в том, что вы перестали быть друг для друга тем, чем были. И это можно попробовать вернуть. Не гарантированно. Но можно.

27. Мы решили пожениться. Когда и зачем нужно венчаться, если мы и так любим друг друга? И что делать, если мы живём вместе уже несколько лет, у нас ребёнок, но мы не расписаны? И почему нельзя венчаться в пост?

Венчание — это не «красивая традиция» и не «гарантия, что не разведётесь». Это просьба о благодати. Не для того, чтобы «всё было хорошо», а для того, чтобы у вас хватило сил быть мужем и женой не на эмоциях, а по-настоящему. Один священник говорит об этом прямо: если мотив — «по традиции», «красиво» или «чтобы муж не загулял», то это неправильно. Важно стремление жить по-христиански, и именно на это даётся помощь.

«Когда» — вопрос не только календарный. Венчание не совершается во все четыре многодневных поста, на Святой (Пасхальной) седмице, в святки и на масленицу. Это не «запрет на любовь», а уважение к ритму церковной жизни. Если вам отказывают в посте — это не потому, что ваш брак «недостойн», а потому что время другое. Представьте, что вы пришли на день рождения, а там всё украшено чёрным. Не потому, что именинник плохой, а потому что это другой день.

Но главное «когда» — это не дата. Это готовность. Если вы оба понимаете, что делаете, если вы хотите, чтобы Бог был в вашем браке, — тогда можно. Если вы делаете это «потому что так надо» или «потому что бабушка настояла» — лучше подождать.

Теперь про ситуацию, когда вы живёте вместе несколько лет и у вас ребёнок. Если брак зарегистрирован — можно венчаться. Если нет — Церковь не венчает незарегистрированное

сожителство. Перед венчанием нужна регистрация в ЗАГСе. Это не «бюрократия». Это признание того, что вы берёте друг на друга юридическую ответственность, а не только «духовную». Если вы живёте вместе, у вас ребёнок, и вы не расписаны — это не значит, что вы «живёте в грехе, который вас погубит». Это значит, что вы в ситуации, из которой есть выход. Зарегистрируйте брак. Потом, если захотите и если будете готовы, — венчайтесь. Венчание — не «штамп, который нужно поставить задним числом». Это решение, к которому можно прийти позже.

И последнее. Если вы оба крещёные, но не ходите в храм — вам можно венчаться. Но стоит честно поговорить со священником. Венчание — это не магический обряд, который «срабатывает» независимо от того, что вы думаете. Если вы не верите в то, что происходит, — это не значит, что вы не можете венчаться. Это значит, что сначала стоит понять, что вы делаете. Один священник советует: прежде чем венчаться, подойдите к священнику за разъяснением смысла брака. Это не «экзамен». Это разговор, который может изменить ваше отношение к происходящему.

28. Можно ли венчаться с человеком, который раньше был в другом браке?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.